

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

ных к ним примечаний, он не предназначен для продажи, и его нахождение в Британском музее — привилегия почетного учреждения. Альбом заключен в роскошный шелковый, тканый переплет.

К сожалению, первопечатными изданиями альбом не блещет, так что Serindia Штейна пока незаменима.

Лондон, 3 августа 1923 г. В. Ал.

◆ *Pakenham-Walsh, W. S., M. A. Principal of Trinity College, Foochow. — The Preparation for Christ in the Chinese Classics. („Church Miss. Review“, Dec. 1921.)*

Политика христианских миссионеров всегда одна и та же. Она является верным отражением самого существа христианства, как комментаторства к загадочным текстам ветхого завета, сияющего обратиться каждую букву в пророчество о Христе. С прибытием миссионеров в Китай, этой операции должны были подвергнуться и китайские классики. Однако трудность их усвоения и обращения с текстом отпугивала очень многих, и только теперь языки развязываются, и христианская пропаганда предьявляет многострадальному и без того китайскому тексту классиков новое испытание. Теперь, как видно из этой брошюры, берется самое существо учения Конфуция о пути совершенного человека и об этом самом идеальном типе — личности, подвергается христианскому объяснению, и этим привлекаются сердца паствы, польщенной вниманием европейцев к их старозаветным учениям.

Для более или менее знакомого с китайскими классиками дело ясно: термин дао — путь, — хотя приурочить к логосу и все учение о „совершенном“ (шэн) приурочить к Христу. Для этого почтенный миссионер поступает так. Учение о „совершенном“ не могло быть, как известно, приложено к самому Конфуцию, ибо он от этого термина для себя всячески открещивался. „Еще бы, — восклицает пастор, — ведь мы должны же знать, что китайцы в ту пору оставались в неведении о том единственном идеальном существе (которое мы проповедуем) и что Конфуций, вероятно, лишь подходил к идеалу, им же проповеданному! И мы тоже, если бы не знали Христа и тайны воплощения, мы тоже пренебрегли бы его скромностью и стали бы ему приносить жертвы, толь-в-точь как сами китайцы!“

Это сослагательное наклонение — прием иезуитский, действие которого на паству пишущему неизвестно. Но миссионер убежден в том, что новые китайцы, покончив с Конфуцием во имя новой, европейской цивилизации, пойдут к Христу, и Иоанну-евангелисту останется лишь

ухватиться за это искание истины, изложенное (в кит. классиках) темно и туманно, и снова крикнуть этой восточной пробуждающейся нации: „В начале бе слово, и слово бе к богу и бог бе слово. ...В нем живот бе и живот бе свет чело-веком“ и т. п.

Неизвестно, что этот крик принес бы теперь, когда от автора потребовали бы комментария, уже не „темного и туманного“, а точного. Но удивительно, что до сих пор миссионеры не могут найти ничего более тактичного и умного, чем давать экстравагантный комментарий обрывкам текста китайских классиков, рискуя быть поднятыми на смех читателями, не абонированными на „Миссионерское Обозрение“. Миссионеры ничего не забыли и ничему не научились, хотя бы от своего собрата Лэга, переводчика „китайских классиков“.

31 июля 1923 г.

В. Ал.

И Н Д И Я

◆ *Emil Schmidt (†). Geschichte Indiens. Erneut durchgesehen von R. Schrader. Mit 28 Abbildungen auf 8 Tafeln und 1 Kartenbeilage. Leipzig, 1923. Bibliographisches Institut. Стр. 8 + 219 т. 8^о. — История Индии.*

За последнее время начали появляться в большом количестве истории Индии, отвечая тому интересу, который вызывает к себе эта страна, которую принято считать страной „религии“ по преимуществу. Недостаточная проработка первоисточников специалистами имеет, к сожалению, печальное последствие: специалистам приходится на разные лады повторять одно и то же, и все многочисленные истории Индии последних лет повторяют приблизительно по одному плану те же избитые общие места, не давая настоящего представления о сложной и богатой культуре Индии.

К числу таких книг относится и разбираемая „История Индии“. В ней прежде всего поражает несообразность частей: первая часть, говорящая о домусульманской Индии, т. е. о том периоде, когда сложилась индийская культура, одна из величайших мировых культур, занимает в книге всего 79 страниц, включая сюда и географический, и этнографический обзор страны, т. е. меньше трети книги (на мусульманский период менее 40 страниц, на европейский, наименее для Индии характерный, 75 страниц и 24 страницы, почему-то отдельно, Цейлону). Невольно спрашиваешь себя, что могло побудить автора к такому странному и непонятному построению книги?

К этому приходится прибавить и непомерно сухое фактическое изложение, совершенно не позволяющее читателю составить себе представление о внутреннем смысле событий, которые разворачиваются перед ним с головокружительной быстротой. Прочитав книгу, читатель, как нам кажется, должен спросить себя — в чем же интерес Индии с общекультурной точки зрения, в чем же значение индийской культуры, о которой так много говорят? Ни на тот, ни на другой вопрос он в книге не найдет ответа. К этому приходится прибавить ряд мелких недочетов и в изложении фактов, и в собственных именах, напр. Walmik, вм. Walmiki, Dschaina, вм. Dschina (стр. 60, в других местах правильно). Указатель составлен крайне небрежно. Судя по предисловию, в составлении книги принял участие целый ряд лиц, — тем более удивительны слабые результаты ими достигнутые; мы не советуем читателю терять время на прочтение настоящей книги.

Свой суровый приговор мы относим, однако, лишь отчасти к составителям книги, мы гораздо больше склонны извинить их, указав на недостаточную подготовленность богатейших материалов по истории Индии, которыми располагает наука и которые покажут со временем, насколько неправильно ходящее мнение об обособленности Индии и ее культуры от других мировых культур. Увы, специалистов мало, и, при современном ослаблении, пагубном и печальном, интереса к наукам гуманитарным, мы вряд ли скоро дождемся настоящей истории Индии и ее культуры, которая так нужна для понимания индийского объединения 320 с лишним миллионов людей, пробуждающихся к новой жизни и плохо знающих свое великое прошлое. В самой Индии нет достаточно компетентных специалистов, так как знаменитый Бандаркар уже слишком стар, а в Европе, повторяем, недостаточно сознают важность действительно научного изучения Индии и ее истории.

Сергей Ольденбург.

◆ Indische Miniaturen der islamischen Zeit. Mit einer Einleitung von Prof. Sattar Kheiri M. A. Berlin s. a. (Orbis Pictus Band 6). Стр. 4 не нумер. + 18 + 48 таблиц, малая 4°. — Индийские миниатюры исламской эпохи.

В последнее время персидская и индо-персидская миниатюра вошли в моду; мы видим, что издают много снимков и печатают книги и статьи. К сожалению, специалистов мало, а любителей много, и потому из всей этой литературы мы могли бы указать на весьма малое коли-

чество хороших вещей. И к разбираемой здесь книге приходится отнестись отрицательно. Ее единственное достоинство то, что она дала некоторое количество снимков, весьма, к сожалению, посредственных, с незаданных и малоизвестных вещей из Берлинского Этнографического Музея.

Что касается Введения, то оно вызывает печальное недоумение: его автор говорит о предмете ему мало известном, сопровождая это замечаниями общего характера, еще более обнаруживающими его неподготовленность. К этому прибавляется совершенно невыносимый тон надменного превосходства; автор полагает, что Европа потерпела крушение и что индо-исламский мир и его культура могут спасти погибающую Европу.

Автор смело утверждает, что европейские ученые изучали только древнюю Индию, при этом он замечает, что незнание европейцами новейшей Индии произошло от того, что Индией с XII по XVIII век правили мусульмане и что поэтому главные источники для истории Индии этого периода арабские и персидские. Трудно понять это замечание, — полагает ли автор, что в Европе не знают арабского и персидского? Автор обрушивается на англичан за то, что они, будто бы, мешали изучению мусульманской Индии и что даже искусство индо-исламское изучено главным образом французами и немцами; любопытно при этом, что в кратком и в общем случайном списке литературы предмета большая часть сочинений английская, и все важнейшие, отмеченные звездочкой, за исключением одного, составлены англичанами, а сочинение, составляющее исключение, все же издано по-английски и в Лондоне.

Обозначение рисунков на таблицах занимает всего две страницы; автор не потрудился даже хоть немного изучить изданное им и сравнить с уже изданным. Его увлечение индийским мусульманским искусством помешало ему вспомнить о несравненно более высоком персидском, по отношению к которому индо-персидское является провинциальным. При этом индийском увлечении он, однако, настолько плохо осведомлен, что утверждает, будто в Индии до Великих Моголов не было ничего писано об искусстве, что бы позволило судить об его истории. При такой скудости познаний не удивительно, что автор говорит, будто бы миниатюра, попавшая из Персии в Индию при Акбаре, не была персидской, а шла из Туркестана и Китая, между тем как мы хорошо знаем, что индийская миниатюра сложный местный продукт с большими